

— Господин Тан, вы ведете себя совершенно безответственно!

Чу Сюнь вырвал из рук Тан Байчжоу мешок с отходами и, вытянув длинную ногу, подцепил стул. Юный альфа потянул энигму за рукав, усадил на стул и прижал руки к его плечам, не давая подняться:

— Сидите здесь. Ни к чему не прикасайтесь. Если продолжите своевольничать, я попрошу господина Лу отвезти вас обратно.

Император империи с интересом наблюдал за ним, едва сдерживая улыбку: даже в гневе этот юноша выглядел необычайно живым.

— Вы так добры ко мне, — пробормотал Тан Байчжоу, — если я заставлю вас помогать мне разбирать хлам, разве я после этого останусь человеком?

— Эй, красавчик, поможешь взвесить бутылки? — робко подал голос скупщик вторсырья.

Тан Байчжоу охотно отозвался:

— Давайте мне. Я сам взвешу.

Чу Сюнь хотел было вмешаться, но услышал мягкий голос энигмы:

— А-Сюнь, эту работу я возьму на себя. Время дорого, иди лучше побудь с бабушкой. Одних слов недостаточно, чтобы она поверила, что у тебя всё хорошо, нужны реальные дела. Моя помощь в сборе мусора станет лучшим доказательством.

Лу Иньчэнь, стоявший рядом, очень хотел предложить свою помощь — эффект был бы тем же, но, наткнувшись на холодный, предупреждающий взгляд императора, благоразумно промолчал.

— Иди, А-Сюнь. Скажи бабушке, что твой спонсор — энигма, который всей душой радуется за экологию.

— Ладно. Только эти не на вес, они штучные: пластиковая бутылка — 0,1 звездной монеты, жестяная банка — 0,2.

— Сейчас пересчитаю.

Император без капли брезгливости принялся выкладывать бутылки:

— Одна, вторая... семьдесят девять. А-Сюнь, отдай человеку 15,8 звездных монет.

Чу Сюнь открыл свой нейроинтерфейс, перевел деньги скупщику и отправился на склад искать рабочую одежду. Отыскав халат, маску и перчатки, он принес их Тан Байчжоу.

— Я знаю, что вы не брезгуете, но иногда лучше всё же соблюдать предосторожность.

Юный альфа взял энигму за руки и тщательно протер каждый палец дезинфицирующей салфеткой. В момент, когда их пальцы соприкоснулись, по нервным окончаниям пробежал электрический разряд, вызывая приятную дрожь. Взгляд энигмы потемнел, став глубоким и густым, словно вечерние облака.

Надев на него одноразовые перчатки, Чу Сюнь помог ему облачиться в халат. Он был похож на нежного омегу, когда, обхватив Тан Байчжоу за талию, завязывал пояс. Тан Байчжоу был в восторге от такой близости и хотел, чтобы это продолжалось как можно дольше.

— Вот и всё. Теперь ваша одежда не испачкается, господин.

— А-Сюнь, может, представишь меня бабушке?

— О, точно. Бабушка, это мой спонсор, господин Тан, генеральный директор корпорации Опал.

Чу Хуэйжун протянула руку для приветствия. Тан Байчжоу встал, снял перчатку и пожал старческую ладонь.

— Благодарю... господин Тан... что спасли нашего Сюня... Сюнь, принеси-ка семейную реликвию, что я для тебя берегла...

— Бабушка, не нужно, господин Тан очень богат...

— Принеси...

Бабушка настаивала, и Чу Сюню ничего не оставалось, как достать большую жестяную коробку из-под конфет. Она была тяжелой, доверху наполненной золотыми украшениями.

— Отдай господину Тану... Сюнь...

Тан Байчжоу немного подумал и всё же принял подарок. В конце концов, всё это в любом случае достанется Чу Сюню. Он торжественно пообещал:

— Я позабочусь о Чу Сюне. Вам не о чем беспокоиться.

— Сюнь, слушайся своего благодетеля...

Чу Сюнь изо всех сил закивал. Бабушка продолжала сыпать словами благодарности, а император терпеливо слушал, не выказывая ни малейшего нетерпения. Наблюдая за тем, как Тан Байчжоу болтает с бабушкой и при этом ловко связывает груды макулатуры, Чу Сюнь почувствовал странное тепло: господин Тан был первым альфой, который не гнушался ни им самим, ни его домом, ни этим пунктом приема вторсырья.

— Ваше Величество, пора возвращаться.

После обеда Лу Иньчэнь с тревогой взглянул на часы:

— Вы сразу после битвы примчались сюда, не сомкнули глаз всю ночь, ваши раны еще не обработаны... Вы человек высокого положения, вам не пристало находиться здесь...

— В его глазах я не император империи, а лишь обычный энигма, добивающийся его расположения, — невозмутимо ответил правитель. — Нашествие магических зверей подавлено. Все государственные дела улажены. Или ты хочешь сказать, что у меня не может быть даже капли личного времени?

Тан Байчжоу задал вопрос спокойно, но врожденная властность в его голосе заставила вены на лбу Лу Иньчэня вздуться от напряжения.

— Ваше Величество, я не это имел в виду, я лишь считаю, что вам необходим отдых...

Лу Иньчэнь, борясь с головной болью, попытался продолжить увещевания, но был прерван.

— Тс-с. — Император сделал жест, призывая к молчанию, и полностью открыл полуприкрытые глаза.

Рассеянный взгляд мгновенно сфокусировался, в глазах вспыхнул острый блеск. Он осторожно взглянул на Чу Сюня, убедился, что тот ничего не заметил, и понизил голос:

— Вернемся после ужина с ним.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

В тот миг аура, вырвавшаяся из императора из-за чувств к любимому юному альфе, была настолько мощной, что у Лу Иньчэня подкосились ноги.

— А-Сюнь, нужно еще что-то сделать?

— Нет, господин, всё готово.

Чу Сюнь помог бабушке выйти наружу и опустил рольставни пункта приема.

— Пойдемте домой. Я приготовлю ужин, посидим с бабушкой, а потом вы отправитесь обратно.

— Не спеши. Можешь побыть с бабушкой подольше, — Тан Байчжоу видел, что рядом с ней Чу Сюнь становится расслабленным и по-детски непосредственным. Это разительно отличалось от того состояния настороженности, в котором он пребывал в Военной академии Лантис.

— Господин, это моя старая комната. Если устали, можете отдохнуть на кровати.

Вернувшись домой, Чу Сюнь усадил бабушку на диван и, не снимая фартука, открыл дверь в свою спальню. Это был старый дом, пропитанный духом времени, а стены были увешаны грамотами Чу Сюня за все годы учебы.

— Хорошо.

Тан Байчжоу, живо интересовавшийся прошлым Чу Сюня, разулся и быстро вошел в крошечную комнату, которая казалась совсем тесной для его высокого роста. Там было много книг, и Тан Байчжоу, постояв немного у стеллажа, без труда нашел фотоальбом. Энигма с интересом сел и принялся листать его.

Маленький Чу Сюнь был невероятно милым, с пухлыми щечками, похожий на куклу с новогодних открыток. После того как он проявился как альфа, детская припухлость сошла, и лицо приобрело утонченные, холодные черты. На многих фотографиях юный альфа получал награды, его глаза горели азартом, словно у энергичного маленького павлина.

Юный альфа был полон жизненных сил, от него исходило сияние, которое невозможно было скрыть — он был настолько ослепителен, что невозможно было отвести взгляд. Красивый и дерзкий. Тогда он только начинал свой путь. Его взгляд был острым, полным яркого света — совсем не таким, как сейчас.

Пальцы энигмы бережно обводили контуры юного лица на снимках. В период повышенной восприимчивости эмоции энигмы всегда были особенно интенсивными. Тан Байчжоу не мог даже представить, какую боль пришлось пережить его возлюбленному, когда-то бывшему гордостью, а затем сброшенному с небес в грязь и лишенному всех надежд безжалостной судьбой.

Император, обладавший духовной силой божественного уровня, был практически неуязвим, но сейчас его сердце дрожало из-за юного альфы. Он словно стал единым целым с ним, глубоко прочувствовав каждую крупницу его страданий. В глубине души он дал себе клятву: однажды он вернет того гордого Чу Сюня.

— Господин, ужин готов!

Чу Сюнь дважды позвал Тан Байчжоу, но, не получив ответа, отправился в комнату.

— Господин, что вы смотрите?

Чу Сюнь почувствовал, что феромоны энигмы пришли в беспорядок, а его дыхание стало прерывистым.

— Что случилось?

Чу Сюнь подошел ближе и забрал у него альбом. Он только хотел взглянуть, что именно так взволновало энигму, как внезапно оказался крепко прижат к его груди. Сердце юного альфы пропустило удар.

— Господин?!

<http://bllate.org/book/20528/2047641>